

ИСПАНСКАЯ ИДЕЯ ПОЭТА А.И. РОММА

Г.М. Васильева

Новосибирский государственный
университет экономики и управления
vasileva_g.m@mail.ru

В статье речь идет о забытом поэте А.И. Ромме и созданной им родовой мифологии. Он считал себя наследником древней Иберии. Поэт пытался найти идеальное соответствие «знаков и символов» русской и европейской словесности. Идею «разговора» культур уточняют и проясняют исследования Фердинанда де Соссюра, первым переводчиком которого стал Ромм.

Ключевые слова: родословная, мифологизированный, этнокультурный, синхронистическая лингвистика.

О, духи великие, я вас приветствую,
Мне помогите вы: видите, бедствую?
А вам я, кажется, сродни,
И мы на свете ведь одни.

*Велимир Хлебников «Дети Выдры», 6-й парус,
«Душа сына Выдры»
1911–1913 гг.*

Я ведь тоже упал с облаков.

*Борис Пастернак «Тени вечера волоса тоньше»
1959 г.*

Александр Ильич Ромм (1898–1943), «поэт, филолог, интеллигент, переводчик»¹, остался «тенью» в чужих судьбах. Его замыслы жили больше в намерениях и возможностях, чем в осуществленных результатах. Все сочинено, но не записано. Читателем, не изучавшим специально историю литературы, его имя почти забыто. Книга «Ночной смотр» (1927), куда вошли 24 стихотворения, была опубликована тиражом в 700 экземпляров. Это далеко не малень-

кий тираж². Но, по свидетельствам друзей – А.В. Чичерина и С.Я. Парнок – Ромма разочаровал первый сборник. И поэт «вскоре полностью скупил его тираж»³. Ныне книга практически недоступна. В Российской государственной библиотеке нет дуплетного экземпляра.

Очевидна отрицательная «обратная связь» между сохраняющимся статусом Ромма как второстепенной фигуры в культуре XX века и реальным вниманием к его

¹ Из письма Михаила Ромма от 26 апреля 1928 г. «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма Александру Ромму (1925–1943). Публикация Р.М. Янпирова / Киноведческие записки. – 2001. – № 50. – С. 164.

² Например, его друг Б.В. Горнунг выпустил в 1925 г. единственный машинописный сборник стихов «Поход времени» в 50 экземплярах.

³ Громова Н.А. Узел. Поэты: дружбы и разрывы (Из литературного быта конца 20-х–30-х годов) – М.: Эллис Лак, 2006. – С. 27.

текстам, к их изданию, осмыслению и исследованию. Подборку стихов в Интернет-журнале подготовил М.А. Гаспаров, предварив ее биографической справкой⁴. Ромм так и находится в «черте оседлости». Его не восстановили в праве поэта быть услышанным. Цветаева в «Поэме конца» (1924) писала: «В сем христианнейшем из миров / Поэты – жиды!». Но не все, а небольшой их круг.

Ромм был среди тех, кто продолжал классическую традицию в поэзии. В.К. Звягинцева, М.А. Зенкевич, К.А. Липскеров, А.Д. Скалдин и другие завершали Серебряный век; их называли неоклассиками. София Парнок пишет о поэтах, «кому на долю выпало печальное событие быть последними в роде». Она определяет родовые особенности «сверстников». С их поколением отмирает не поэзия, но «пушкинский период ее, то есть поэзия – как духовный подвиг»⁵. Мало что успешный завершить Ромм является идеальным символом того поколения, которое видело закат Серебряного века. Вокруг него сама по себе создается атмосфера некоторой приглушенности эмоциональных реакций и интонаций. Только внутреннее содержание этой атмосферы может быть очень разным.

Необходимо понять, как биографическая личность становится поэтической, художественной. В свое время В.Н. Топоров сформулировал подобную задачу в отношении ахматоведения: «Исследование биографии [...], но не только в узко-

эмпирическом плане, но и как реконструкция тех “жизненных структур” поэта, которые воплощены в его текстах, соотнесены друг с другом и позволяют говорить о двусторонней зависимости между ними, об их “взаимопереводимости”»⁶.

Официальный *cursus honorum* А.И. Ромма предстает в следующем виде. Закончил историко-филологический факультет МГУ, был членом президиума Московского лингвистического кружка (МЛК). Участвовал в альманахах «Гиперборей» и «Мнемозина»⁷. Его литературный вкус был безупречным и взыскательным. Как и многие участники МЛК, он занимался переводами и теорией перевода^{8,9}. В МЛК представлен целый ряд филологических, исторических, философских вопросов перевода. В этом проявилось типичное для эпохи Серебряного века сближение науки и художественной культуры.

В письмах кинорежиссера Михаила Ромма к брату – наряду с обращениями «дорогой единоутробник», «дорогой орденосный брат-моряк», «дорогой подполковник» – есть и такое: «дорогой брат и переводчик»¹⁰. Ми-

⁶ Топоров В.Н. Об одном письме к Анне Ахматовой // Ахматовский сборник: К 100-летию со дня рождения / сост. С.В. Дедюлин и Г.Г. Суперфин. – Вып. 1. – Париж, 1989. – С. 16–17.

⁷ Поливанов К.М. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина» // De visu. – М., 1993. – № 7. – С. 46–49.

⁸ Нейштадт В.И. «Чужая лира»: Переводы из одиннадцати современных немецких поэтов. – М., Пг.: Круг, 1923. – 5 марта 1925 г. – С. 25.

⁹ Тодес Е.А., Чудакова М.О. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского Лингвистического кружка (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы) / Е.А. Тодес, М.О. Чудакова // Фёдоровские чтения-1978. – М.: Наука, 1981. – С. 229–249.

¹⁰ «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма Александру Ромму (1925–1943). Публикация Р.М. Янгирова / Киноведческие записки. – 2001. – № 50. – С. 162, 172, 179, 182.

⁴ Александр Ромм. Стихи 1927–1928 гг. // Публикация и вступ. ст. М.А. Гаспарова. Academic Electronic Journal in Slavic Studies Toronto Slavic Quaterly University of Toronto. – № 2. – 2002 // Режим доступа: URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/02/romm.shtml>. (дата обращения: 05.03.2011).

⁵ Парнок С.Я. Сверстники. Книга критических статей / подгот. Е.Б. Коркина. – М.: Глагол, 1999. – С. 101.

хаил Ромм пишет об областях, где бы Александр мог проявить свою одаренность. Его будущие достижения он вписывает в стратегию движения вдали от проторенных дорог с их густой сетью институциональных условностей. Он пытается подобрать однословную характеристику или единую, достаточную оценку. «Твое честолюбие особого сорта: оно не может быть удовлетворено ни выпуском книжки стихов, ни рецензией перевода, ни докладом в ГАХНе (во всяком случае, удовлетворение на сколько-нибудь продолжительный срок). Кто там у Ницше алчет духом? Конь? Лев? Ребенок? Повидимому, последнее и есть то самое, что нужно, и значит недаром мне пришла в голову военная служба. Нужно тебе раз и навсегда осознать прочно, что карьера – всякая карьера – это не наше с тобой дело и не нашей талантливости абсолютный тон»¹¹. Оба брата понимали, что в поэзии и в освященных многовековой историей дисциплинах ренту извлечь нельзя.

Поэты жили в тесных дружеских кружках. Члены МАК представляли, прежде всего, как персональное воплощение этимологического значения слова «филология». Им была свойственна горячая любовь к сообщениям в различных материальных воплощениях. Они любили язык во всех его проявлениях: будь то общеславянское языковое единство, башкирский фольклор, говоры, речения, находящиеся на грани между языком и поэзией, или же развитые формы индивидуальной поэтической речи. Главной идеей было рождение слова, интерпретирующего или расшифровывающего реальность в ее разумных формах¹².

¹¹ Там же, с. 164.

¹² Можно сравнить их представления с оппозицией «лингвистика / внутренняя жизнь» в важном примечании № 773 из сочинения Флоренского «Столы и утверждение истины» (1914).

Изучение классических языков им нужно для того, чтобы выработать приемы для освоения любого языка. Ведь «кто знает язык, тому все доступно: и жизнь, и поэзия, и искусство, и мысль того народа, чей язык он знает»¹³. Очередной логический шаг заключается в следующем: учить чужие языки необходимо, чтобы уметь переводить. Именно перевод является условием разговора. Из технического лингвистического понятия он становится принципом философской рефлексии¹⁴. Переводами в широком смысле слова фактически оказывались различные «сдвинутые» (относительно времени создания) рецепции творчества писателей, ученых. Ромм ищет лингвистические основания для художественного опыта и принимает во внимание различие подходов. Осмысляя схождения художественных и лингвистических практик, поэт демонстрировал глубокое понимание эволюции и актуального состояния лингвистики. Ромм переводил «Cours de linguistique générale» Ф. де Соссюра. Впрочем, перевод был прерван недовольством Ш. Балли. Французский лингвист Женевской школы, ученик и последователь Ф. де Соссюра полагал, что переводчик не согласовал свои намерения с издателем¹⁵.

¹³ Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / отв. ред.-составитель Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 291.

¹⁴ Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Якобсон Р. Избранные работы // предисл. В.В. Иванова; сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева; пер. с англ. О.В. Звегинцевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 361–368.

¹⁵ Вельмезова Е.В., Щедрина Т.Г. Шарль Балли и Густав Шпет в русско-европейском научном разговоре (опыт реконструкции «архива эпохи») // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8] / под ред. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. – М.: Модест Колеров, 2009. – С. 106–126.

Ромму было присуще внимание к исследованию конкретных языков, во всем многообразии индивидуальных особенностей их устройства, исторических судеб и культурных взаимосвязей. Подобная программа была во многом противоположна общим устремлениям 1920-х годов. Тогда под влиянием «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра наметился очевидный крен в сторону формализованной лингвистической теории, к установлению универсальных лингвистических законов. Ученые начали разрабатывать универсальные методы, пригодные для любых языков¹⁶. Ромм скептически относился к «философам языка». Он ценил настоящую специализацию. Для него существует прежде всего лингвистический предмет исследования. Годы ученичества побуждают возвращаться в привычную профессиональную сферу, к строгой чистоте критериев.

Лингвистика является наиболее таксономически разработанной гуманитарной наукой. Ромм объяснял, называл и интерпретировал факты через собственно лингвистические термины и феномены. Подобный метод позволяет приблизиться к общей интерпретации явлений, связанных с человеком. Природа смысловых единиц последовательно усложнялась в его работах от «сем» до целостных «состояний души», которые традиционно принято называть страстями. Поэт и ученый старается сосредоточиться на анализе общих мыслительных тенденций, возможностей эпохи, запечатленных в ее дискурсивных практиках. Ему близки взгляды Соссюра, для которого письмо было не столько самостоятельной знаковой системой (хотя формально он и признавал ее независимость), сколь-

¹⁶ Переписка Р.О. Якобсона и Г.О. Винокура / Подгот. текста и коммент. С.И. Гиндина и Е.А. Ивановой // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 21. – С. 90.

ко образом, репрезентацией звуковой системы языка. Ромм обобщает идею «сонантических коэффициентов» Ф. де Соссюра, высказанную им еще в знаменитом «Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes» (1878).

Одна замечательная мысль Соссюра пока еще не получила плодотворного развития. Лингвистика и другие семиотические дисциплины оперируют, как и экономика, категорией ценности. Именно поэтому в них необходимо строго разделять синхронный срез и диахронию. Как и по отношению к биологической, социальной эволюции человека, особую значимость приобретает выявление в синхронном состоянии языка унаследованных архаических черт.

Язык и культура – это система, где все «держится» одно за другое. Интеллектуальным контрапунктом становится проблема разговора (диалога – по современной литературоведческой терминологии). Ромма интересует разговорный анализ, разговор во всей его целостности: смена речевых действий, эмоциональные интонации, экспрессивные звуко сочетания в непосредственном живом общении, обстановка и атмосфера^{17, 18}. Может возникнуть мысль о том, что речь идет о сопоставлении с концепцией диалога в духе Бахтина. Такова для большинства читателей первая ассоциация при слове «диалог». Идея разговора у Ромма радикально отличается от бахтинской, а иногда оказывается противоположной ей по смыслу. М.М. Бахтин неоднократно под-

¹⁷ Бялостоцки Д. Разговор – как диалогика, прагматика и герменевтика: Бахтин, Рорти, Гадамер // Бахтинский сборник. Вып. 5: Сборник статей / отв. ред. и сост. В.Л. Махлин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 75–87.

¹⁸ Балли Ш. Язык и жизнь // пер. с франц. И.И. Чельшевой, Е.В. Вельмезовой; авт. вступ. ст. В.Г. Гак; отв. ред. В.Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

черкивал, что для него важны не системы и коды, но «голоса». «Последовательная формализация и деперсонализация: все отношения носят логический (в широком смысле слова) характер. Я же во всем слышу *голоса* и диалогические отношения между ними»¹⁹.

Ромм трактует «разговор», развивая структурно-семиотические позиции: это попеременный обмен репликами между говорящим и слушающим. Речь идет о смене позиций «прием – передача» как общесемиотическом и лингвистическом механизме. У Бахтина мы вряд ли вспомним хотя бы один контекст, где диалог трактуется подобным образом. Далее, у Ромма позиции тех, кто вступил в общение, асимметричны. Люди говорят на «разных языках», и семиотические структуры этих языков различны. Фактически любой разговор возможен лишь при наличии общего языка. Но для того чтобы его выработать, нужен перевод. Члены МЛК понимали перевод не только в узком и собственном смысле слова: с языка на язык. Фактически любое преобразование опыта в текст является переводом. Культура, по убеждению Ромма, функционирует как знаковая система. Основным структурным (и структурирующим) устройством в ней выступает естественный язык. Поэтому проблема перевода возникает в тот момент, когда жизненный опыт претворяется в культуру.

Установленное «родство» и «братство». Родовая мифология, созданная поэтом, воплотилась в его творчестве, в книге «Ночной смотр»²⁰. Принцип соединения «кровей» является значимым для биографиче-

ского мифа Ромма. Он представляет себя наследником разных этносов и национальных культур. Размышления о взаимоотношениях Востока и Запада оказываются фоном и формой для раздумий о собственном происхождении. Ромм писал:

Чужой судьбы сочувственный изменник
И перекройщик собственной судьбы,
Я двух миров невыкупленный пленник
И безразличный зритель их борьбы (21).

У поэта не было универсалистских амбиций. Это устремление означало бы непрерывную ассимиляцию и отречение от своих корней. Ромм считал себя потомком иерусалимских изгнанников. Они, по словам библейского пророка Овадьи, оказались «в Сефараде» (3 Цар. 17, 9). Говорили они на ладино – испано-еврейском языке сефардов, сохранявшем некоторые архаические черты^{21, 22}. Одно из оснований для формирования характера его предков – то рассеяние по миру, которое было предназначено им. Судьба определила дальние пути. Возникает сложный выбор. Пытаться стать «своим» далеко не всегда означает прагматическое приспособление. Часто это искреннее желание понять другого. А.И. Ромм в стилизации «Не служивал царю мой дальний пращур» квалифицировал своего предка так:

Наверно, талмудический филолог
В какой-нибудь ученой Саламанке,
Еврейских букв священные квадраты,
Которых не умею я читать, –
Сухому и горячему экстазу
Раскачиваясь в такт, следил он жадно,
Цепями раскаленных силлогизмов
Вплетаясь в сеть презрительных веков (13).

²¹ Lipski J.M. Latin American Spanish. – New York: Longman., 1998. – P. 24–25.

²² Стоу К. Отчужденное меньшинство. Евреи в средневековой латинской Европе / пер. с англ. Г. Зелениной. – М.: Гешарим – Мосты культуры, 2007. – С. 142.

Характерной особенностью является риторическая отсылка к «Моей родословной» Пушкина (1830). С эпохи Просвещения признание Республики Словесности основывалось на том, что люди образованные и мыслящие составляли особую социальную категорию. Они были «ближе друг к другу, чем к своим соотечественникам, коллегам или представителям соответствующих социальных слоев»²³. В русской культуре существовал интеллектуальный спрос на употребление «подобий»²⁴. В «Воспоминаниях о Пушкине» (1866) приводится остроумное (учитывая наличие «дяди-поэта» – В.Л. Пушкина) упоминание аллегорического родства с Назоном как «двоюродного»: «Так [«Спартанцем» – Г.В.] Александр Сергеевич и прежде называл В.Ф. Раевского, а этот его – Овидиевым племянником»²⁵. Метафорические «сближения по сходству» с вымышленными или историческими персонажами могли быть (в меру «остроты ума») довольно прихотливы. К «сближению» современника с его легендарным прототипом располагали внешняя похожесть адресата дружеского послания на эталонную персону (иконографические сведения о героях подчас довольно

²³ Тавареш Р. Небольшая книга о Великом Землетрясении. Очерк 1755 года / Руи Тавареш; (пер. с португальского Е.Г. Голубевой). – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 164.

²⁴ Степанов В.П. Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» / Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой: Сборник [статей и материалов] 15; АН СССР: Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1986. – С. 226–227.

²⁵ Мир Пушкина: Альбом: Автографы, прижизненные портреты, пейзажи, отрывки из сочинений и писем, свидетельства современников / авт. введен. С.А. Фомичев; сост. Э.С. Лебедева, Е.В. Пролет, Г.С. Тюрина. – М.: Русская книга: Полиграфресурсы, 1990. – С. 72.

скудны) – и в особенности подобие положений.

В русской поэзии XX века не были редкостью родовые мифологии, созданные на основе многонациональных семейных преданий. Это линия от лирических «Моих предков» (1907) М.А. Кузмина до декларативной «Родословной» (1959) Ю.И. Айхенвальда и «Родословной» (1964) Вениамина Блаженных²⁶. В поэтическом смысле так же достаточно традиционна тема Испании (ср. балладу Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем»). Лермонтов какое-то время искал себе еврейских предков и создал «еврейскую» драму «Испанцы» (1830). Стихотворение Пушкина «Альфонс садится на коня» (1836) написано по мотивам «Manuscrit trouvé à Saragosse» Яна Потоцкого (1804). Главный герой произведения – молодой дворянин фламандско-испанского происхождения Альфонс ван Ворден.

Нетривиальны в личной мифологии Ромма три момента. Во-первых, речь идет о религиозном типе интеллектуализма. Конфессиональная практика, а именно талмудическое ученичество, была нормой в еврейской диаспоре. Она задавала первичные правила поведения людей и более того – питала систему общепринятых ценностей. На ее вершине находилось знание, ценившееся более всех богатств. Для того чтобы постичь книжное учение, нужно было приобрести целый ряд навыков: умение слушать наставников, привычку к добросовестному собиранию фактов, грамотность. Знание ученика зависит от степени его книжной выучки, от того, насколько он уверен в себе и склонен следовать правилам.

²⁶ Этот псевдоним В.М. Айзенштадта (1921–1999) являлся как бы родовым именем и говорил скорее о предках его носителя.

Во-вторых, речь идет о мастере чтения, филологе. Подлинное, сложное содержание этого высшего умственного акта становится предметом размышления только в особых, исключительных случаях (настолько тесно чтение сплетено с ежеминутной повседневностью). Акт чтения предполагает сноровку, в общем случае – мастерство и искусство. Как если бы сообщение было вновь, еще раз создано вторично осуществившейся творческой волей. Герой Ромма читает так, что самые сложные типы содержания не упускаются его взором. Чтение является особым умственным актом, направленным на усвоение смысла. Оно связано с выполнением некоторого произносительно-речевого канона (дикция, орфоэпия и т. п.). Смысл речи усваивается через организованные формы слова. Филология оказывается не столько отдельной областью или разновидностью деятельности, сколько особым навыком, умением. Обладание им переводит общечеловеческое занятие – чтение текстов – на качественно иную ступень, придавая ему профессиональный характер²⁷.

В-третьих, лингвистический «портрет» как составляющая родовой мифологии. Ромм был одержим изучением языков. И ему была присуща лингвистическая скромность. По работам ученого читатель может судить, какими языками он в той или

²⁷ Ср. В.Я. Брюсов «В дни запустений» (1899): «Прочтя названья торжищ и святилиц, / Узнав по надписям за ликом лик, / Пришлец проникнет в глубь книгохранилиц, / Откроет тайны древних, наших книг. / И дни и ночи будет он в тревоге / Впивать вещанья, скрытые в пыли, / Исканья истины, мечты о боге, / И песни – гимны сладостям земли. / Желанный друг неведомых столетий! / Ты весь дрожишь, ты потрясен былым! / Внемал же мне, о, слушай строки эти: / Я был, я мыслил, я прошел как дым...»

иной степени владеет. Его языковых навыков хватало для чтения серьезных философских и эстетических трудов, тем более для чтения стихотворных текстов. Ромм связывает это знание с историей своей семьи. Установленное «родство» усугубляется версией «братства»:

Так у меня подходит к горлу сердце,
Когда сижу над трудным местом Плавта:
Не кровь струится в побледневших жилах,
Но древняя и горькая вода,
Замешанная пылью библиотек (13).

В «Письме о судьбе» Ромм отмечал: «И я думаю, что именно в языке народа мы можем найти воздух судьбы [...] Самое русское слово *судьба* существенно связано не только с назначенным, предуказанным, но и с обдуманым, осознанным»²⁸. Так, начинаясь художественной отгадкой, судьба завершается осознанным действием.

«Ночной смотр»: *риторика визуального образа*. Сборник вышел в кооперативном издательстве «Узел»²⁹. Одноименное сочинение уже было в истории культуры. «Ночной смотр» (1836) – так называлась баллада В.А. Жуковского. Это перевод стихотворения «Die nächtliche Heerschau» (1827) австрийского поэта И.Х. фон Цедлица. Как известно, баллада посвящена Наполеону, недавнему противнику России. Место действия – Бургундия, родина Андре Шенье. В первые послереволюционные годы Ромм

²⁸ «Письмо о судьбе» Александра Ромма / вступ. заметка и публ. М.А. Гаспарова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 216.

²⁹ Введенский А.И.. Полное собрание сочинений: в 2 т. / Александр Введенский; (составление и подготовка текста М.Б. Мейлаха, В.И. Эрля. Вступительная статья и примечания М.Б. Мейлаха). – Анн Арбор: Ардис, 1980–1984. – Т. 2. – С. 138.

перевел три антологические стихотворения Андре Шенье³⁰.

Б.В. Горнунг откликнулся «Посланием А.И. Ромму (В ответ на посвящение сборника “Ночной смотр”»». Друг указывал прежде всего на пушкинскую традицию и психологический строй поэзии Жуковского и Пушкина, автора элегии «Андрей Шенье» (1825): «[...] и утром воскресающей отчизны, / В Псалмах врачуя ранние обиды, / Помолимся о сне его души»³¹.

Этот перечень текстов выходит на поверхность при самом первом приближении к современному, актуальному для Ромма, литературному фону сборника. Важно отойти от достоверности смыслов, которые «сами собой разумеются». За текстом открывается разветвленная система значимых для автора культурных координат.

Многие авторы отдавали профессиональную дань вездесущему демону Лесажа. Испанский хромоногий бес Асмодей устраивает своему избавителю экскурсию по Мадриду. Происходит контекстуальное объединение образа городского беса с идеей «разоблачения». К этому можно добавить и другие знаменательные детали, возникающие в литературной мифологии Асмодея. Мотив «тысячи осколков» сопутствует высвобождению беса и началу его нового жизненного цикла. На плаще Асмодея, как в свете волшебного фонаря, мелькает разбитый на «осколки» мир человеческих страстей. Все это вместе дает тот аккорд

мотивов и ассоциаций, который различим, а порой отчетливо слышен в стихотворениях Ромма. Подобно Асмодею герой проникает в тайны жизни человеческой. «Над чувственной волной желаний и людей / Зажжется звучный свет высоких фонарей...» (От гулких площадей все шире и все выше...», 1927).

Слово «ночь» обладает множеством эстетически значимых контекстов употребления. Они входят в структуру понятия как экспрессемы. В поэзии 1920-х годов недвусмысленно задана тема пространства, свободы и открытости – или же отсутствия их. Прежде всего в поэмах Хлебникова «Ночь в окопе» (1920), «Ночь перед Советами» (1921). В «Ночном обыске» (1921) судьба моряков находится во власти «основного закона времени» и «закона возмездий»^{32, 33}. Рукописи Хлебникова, переданные Маяковскому, с весны 1919 г. были в распоряжении издательства МЛК. Якобсон редактирует их для собрания сочинений поэта, пишет предисловие «Подступы к Хлебникову». Уже в Праге издает книгу «Новейшая русская поэзия. набросок первый: В. Хлебников» (1921). Имя Хлебникова, одного из основоположников структурной лингвистики в тетрадах 1907–1908 гг., в ряде работ оказалось рядом с именем Ф. де Соссюра^{34, 35}.

³² Левин Ю.И. Заметки о поэзии О. Манделштама тридцатых годов. I // *Slavica Hierosolymitana*. Vol. III. – Jerusalem, 1978. – P. 110–173.

³³ Ронен О. К сюжету стихов о неизвестном солдате Манделштама // *Slavica Hierosolymitana*. – Vol. IV. – Jerusalem, 1979. – P. 110–173.

³⁴ Якубинский А.П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // *Языковедение и материализм*. – Вып. 2. – М.–Л., 1931. – С. 91–104.

³⁵ Баран Х. В творческой лаборатории Хлебникова: о «тетради 1908 г.» // *Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре* / ред. Л. Магаротто, М. Марцадурри, Д. Рицци. – Bern etc.: Peter Lang, 1991. – С. 71–82.

³⁰ Шенье А. Сочинения. 1819 г. / Андре Шенье; (пер. с франц.; авт. вступ. ст. А. де Латуш; отв. ред. А.Д. Михайлов; подгот. Е.П. Гречаная; Рос. АН). – М.: Наука, 1995. («Литературные памятники»). – С. 396–397.

³¹ Горнунг Б.В. Поход времени: в 2 кн. / сост. М.З. Воробьева; авт. предисл. П.М. Нерлер. – М.: Изд-во РГГУ (Библиотека Манделштамовского общества), 2001. – Кн. 1: Стихи и переводы. – С. 125.

Безусловно, название поэтического сборника Ромма – с «открытым исходом». Здесь соединяются два разных измерения: «краткое теперь» и «бесконечное завтра». На мой взгляд, заглавие соотносится с понятием «шаубенахт» (шаутбенахт). Слово заимствовано Петром Великим из нидерландского языка: «schout bij nacht» значит *смотри ночью*. В годы войны А.И. Ромм станет интендантом II ранга, военным корреспондентом Черноморского флота. Лингвист, он не мог не знать, что слово «шаубенахт» обозначало чин младшего морского генерала, соответствующий нынешнему контр-адмиралу. Это звание присваивается офицеру, который находится на передовом корабле флота и прозревает опасности в ночи. Очевидно, что название сборника задает высокое отношение к миссии поэта, впередсмотрящего. Отзываясь на поэтические опыты младшего брата, Михаил Ромм в письме от 27 января 1928 г. отмечал «очень большую точность и собранность глаза»³⁶.

Предметом размышлений становится конвенциональное суждение глаза. Глаз – солнце, Божие око, оберег. Подобный оберегающий знак и сейчас можно увидеть на борту каталонских рыбацких лодок. Только для современного мастера смысл древней мудрости «Я смотрю – значит я существую» (слова откровения из древнеегипетской «Книги мертвых») не отягощен ни мифом, ни мистикой, ни суеверием. Поэт пытается осмыслить эволюцию визуальности и систем пространственных построений: от элементарно-ритмических форм и перспективы до бесконечного пространства

времени. Ромм продолжил классическую традицию художественно-лингвистических штудий и обращения художников – для прояснения визуальных апорий – к лингвистике как идеалу синтетического постижения мира. В его любимой науке был воплощен методологический идеал классической *clarté*. Ромм представил опыт формирования нового художественного языка, преодолевающего диссоциацию времени и пространства. Визуальность замедляет время или даже его останавливает. Гётевское «замирание времени» здесь явлено сполна.

Поэтика сборника Ромма соотносится также с жанром пассакалии (исп. *passacalle*, от *pasar* – *проходить* и *calle* – *улица*). Пассакалия имеет в своей основе испанские корни. Она состоит из серии вариаций на неизменную тему, как правило, *basso ostinato*. Медленная и по содержанию скорбная, пассакалия имеет торжественный характер. Для Ромма важно, что это музыка без слов: именование вещи в другом языке неизбежно ведет к иной фонетике слова³⁷. Поэт не мог бы игнорировать музыкально-фонетическую целостность источника. Выразительность вокальной интонации сочиняется композитором в расчете на ее озвучивание посредством определенных гласных и согласных, наличия нужных слогов в слове, ритма всей фразы. Стихотворения в сборнике «Ночной смотр» тематически и метрически однородны. Это позволяет исключить любой намек на «игровую» (в широком смысле) природу текстов, обратиться к профетической функции поэзии, в принципе чуждающейся формальных изысков.

³⁶ «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма Александру Ромму (1925–1943). Публикация Р.М. Янпирова / Киноведческие записки. – 2001. – № 50. – С. 155.

³⁷ Попытка привить национально-испанскую стиховую форму на русской почве была уже сделана П.А. Катениным (его вариант стиха испанских романсов).

Глухой гримасою землетрясения
 Еще искажено лицо земли,
 И отдулом вчерашних катастроф
 Еще невольно вздрагивает сердце.
 И человечество, под голым небом
 Голодный, голый, выгнанный Адам,
 Дрожит на налетающем ветру,
 На только что осевшем континенте (9).

Знаменательно, что именно в романтической теории искусства Ф.В. Шлегеля метафора «музыка жизни» приобрела характер научного термина³⁸. Эту «музыку жизни» Ромм понимает прежде всего как музыку *жизни* и лишь затем – как музыку «небесных сфер».

Переводы Ромма: диалектика текста и жанра. У поэта была большая переводческая практика. Она связана и с попыткой приблизиться к подлиннику, и с экспериментами, отходящими от оригинала достаточно далеко. С начала 1920-х годов Ромм публиковал переводы из французской и немецкой поэзии в литературно-художественном журнале «Красная новь» (где сотрудничал на договорных началах). В творчестве Ромма есть переводы из «воображаемого подлинника». Они не имеют отношения к авторам (Гидаш Антал, Эмми Сяо). Ромм пытается сохранить стилистико-синтаксические особенности их поэзии. У поэта довольно много «метапереводов» (если воспользоваться термином Эткинда³⁹). Он может перевести одну строку, а далее – вольная вариация на тему, намеченную в оригинале.

³⁸ Берковский Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – С. 98–105.

³⁹ Эткинд Е.Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции / Е.Г. Эткинд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 158.

В поэзии Ромма наглядно проявилась диалектика малого и большого контекстов.

Обратимся к переводу баллады Гёте «Vor Gericht» (1776)⁴⁰. Его взгляд на творчество Гёте – это не столько рецепция, сколько избирательная интерпретация. Перевод точный, иногда дословный. Приведу третьи четверостишие:

Soll Spott und Hohn getragen sein,
 Trag' ich allein den Hohn.
 Ich kenn' ihn wohl, er kennt mich wohl,
 Und Gott weiß auch davon.

Коль надо стыд и срам снести,
 Одна снесу я стыд.
 Я знаю его, он знает меня,
 И Бог на обоих глядит.

«Spott und Hohn» (насмешка и глумление) Ромм переводит как «стыд и срам». Мотив стыда органически присущ если не этой ранней балладе Гёте, то трагедии «Фауст». Жанр был для Ромма «большим контекстом», преодолевающим тесные рамки «малого» контекста: эмпирически данного оригинала. С ориентацией на жанр связаны традиционные поэтические формулы: «Умру – не скажу, от кого понесла / Дитя под сердцем я» («Von wem ich's habe, das sag' ich euch nicht, / Das Kind in meinem Leib»). В балладе Ромм раскрыл внутренние возможности трагического сюжета. Это одно из воссозданий образа Гретхен. Воспользовавшись сюжетной схемой трагедии, поэт извлек все, что потенциально в ней содержалось. Развернута метафора бессилия природы человека: ему открыт мир, но скрыты истоки тайных движений

⁴⁰ Goethe I.W. v. Werke: in 14 Bde / I.W. v. Goethe. – München, Verlag C. H. Beck, textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz. – 1989. – Bd. 1. – S. 85.

собственной души. Таким образом, возникает перевод и конкретного, и некоего обобщенного текста: он существует в совокупности различных стихотворных произведений. Поэт подбирает ритмически соответствующую оригиналу форму. Искал не только ритм, но и целостную стилистическую систему.

Заключение

В центре лингвистических дискуссий стоял вопрос о социальной, межличностной природе сознания, познания, культуры и истории. Проблема становится особенно актуальной в связи с растущим интересом к биографии. В переводе кружковца А.Г. Габричевского опубликованы биографии «Гёте» (1913) и «Рембрандт» (1916) Г. Зиммеля. Вопрос об индивидуальности, порождающей художественный текст, обсуждается в МЛК. Биография – не просто личная жизнь человека и его психология – воспринимается как форма творчества, наряду с искусством, политикой, наукой и философией. Такое понимание отсылает к идеям Гёте и к книге «Lebensformen» Э. Шпрангера⁴¹. В организации внутренней истории жизни человека для Гёте были важны понятия энтелехии и метаморфозы. «Энтелехия» мыслится в онтологическом плане. Она подразумевает бессмертие человека, его деятельную силу, направленную на активную жизнь, развитие и совершенствование. Эта сила предшествует индивидуальному физическому бытию и сохраняется после его прекращения.

28 июля 1928 г. Михаил Ромм писал брату со станции Дивизионная Иркутской области: «В конце концов, мы еще имеем все основания жить – и жить будем. Жизнь

нужна тебе – не только ты жизни!»⁴². Мотив жизни остается особой, отдельной темой с непредрепленным финалом. Но одно из обращений – «великодушный и страждущий брат мой»⁴³ – в известном смысле предвосхищает трагический исход жизни Ромма. 2 октября 1943 г. Александр Ромм покончил с собой. Поэт пытался разделить то, что, казалось, признано обществом и потому должно быть справедливым. Внешние уступки, выразившиеся в тактическом использовании официального жаргона, не смогли спасти его. Кроме понятных идеологических причин роль сыграло вполне реальное психологическое несходство, слишком легко проецируемое в творческую область.

Современник Ромма, испанский философ М. де Унамуно-и-Хуго, говорил о «трагическом чувстве жизни» как о достоинстве Испании и испанцев⁴⁴. Оно способно противостоять рациональному оптимизму мировосприятия других европейцев. «Испанцу» Александру Ромму было присуще это «драматическое» чувство жизни. Но поэт связывает абсолютное проявление в поэзии драматического начала с самыми разными явлениями: и с испанской культурой, и с наследием Гёте. Оно воплощается также в печальных и счастливых приключениях, географических перемещениях, увлекающих полмира, и в финальном возвращении на родину. Разные национально-культурные стихии в нем уживались, питая его творческие замыслы. Два измерения че-

⁴² «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма Александру Ромму (1925–1943). Публикация Р.М. Янгирова / Киноведческие записки. – 2001. – № 50. – С. 172.

⁴³ Там же, с. 164.

⁴⁴ Например, его сочинение «Del sentimiento trágico de la vida en los hombres y en los pueblos» (1913).

ловеческой жизни – внешнее и внутреннее, общее и частное – могут быть разделены, отграничены и, наконец, вписаны в нечто большее. Поэт был человеком, «случайно попавшимся» на дороге истории.

Если вопрос задан верно, ответ всегда неожиданный. В конце XX века на русский язык были переведены стихи и проза Антонио Порретты, например его «El clavicordio ante el espejo» («Клавикорд перед зеркалом», 1984). Порретта, как и Ромм, получил филологическое образование. Он признанный знаток в области испанской генеалогии и геральдики. По убеждению Порретты, природа нового знания состоит в стремлении сопоставить философии и превратить учение о вечной эволюции духа в реальность жизни отдельного человека. В этих двух судьбах можно усмотреть сходство, родственное направление творческой мысли. Так идеи Александра Ромма обрели свое смысловое и даже физическое пространство «чужого солнца и родимых книг».

Литература

- Балли Ш.* Язык и жизнь / Шарль Балли; [пер. с франц. И.И. Чельшевой, Е.В. Вельмезовой; авт. вступ. ст. В.Г. Гак; отв. ред. В.Д. Мазо]. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с. – (Женевская лингвистическая школа).
- Баран Х.* В творческой лаборатории Хлебникова: о «тетради 1908 г.» // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре / Хенрик Баран // ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. – Bern etc.: Peter Lang, 1991. – С. 101.
- Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т / Михаил Бахтин; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х гг. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.
- Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с. – (Academia) – Перепеч. изд.: Л.: Худ. лит., 1973. – 568 с.
- Бялостоцки А.* Разговор – как диалогика, прагматика и герменевтика: Бахтин, Рорти, Гадамер / Дон Бялостоцки // Бахтинский сборник. Вып. 5: Сборник статей / отв. ред. и сост. В.А. Махлин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 110.
- Введенский А.И.* Полное собрание сочинений: в 2 т. / Александр Введенский; [составление и подгот. текста М.Б. Мейлаха, В. И. Эрля; вступ. ст. и примеч. М.Б. Мейлаха]. – Анн Арбор: Ардис, 1980–1984. – Т. 2. – 378 с.
- Вельмезова Е.В., Щедрина, Т.Г.* Шарль Балли и Густав Шпет в русско-европейском научном разговоре (опыт реконструкции «архива эпохи» / Е.В. Вельмезова, Т.Г. Щедрина // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8] / под ред. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. – М.: Молест Колеров, 2009. – С. 140.
- Горнунг Б.В.* Поход времени: в 2 кн. / Борис Горнунг; [сост.: М.З. Воробьева; предисл.: П.М. Нерлер] – М.: Изд-во РГГУ (Библиотека Мандельштамовского общества), 2001. – Кн. 1: Стихи и переводы. – 151 с.
- Громова Н.А.* Узел. Поэты: дружбы и разрывы (Из литературного быта конца 20–30-х годов) / Н.А. Громова – М.: Эллис Лак, 2006. – 688 с.
- Густав Шпет.* Жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2005. – 719 с.
- Левин Ю.И.* Заметки о поэзии О. Мандельштама тридцатых годов / Ю.И. Левин // Slavica Hierosolymitana. – Vol. III. – Jerusalem, 1978. – P. 222.
- «Любимый брат мой...». Письма Михаила Ромма Александру Ромму (1925–1943). Публикация Р.М. Янгирова / Киноведческие записки. – 2001. – № 50. – С. 190.
- Мир Пушкина: Альбом: Автографы, прижизненные портреты, пейзажи, отрывки из сочинений и писем, свидетельства современников / авт. введен. С.А. Фомичев; сост. Э.С. Лебедева, Е.В. Пролет, Г.С. Тюрина. – М.: Русская книга, Полиграфресурсы, 1990. – 204 с.

- Нейштадт В.И. «Чужая лира»: Переводы из одиннадцати современных немецких поэтов / В.И. Нейштадт – М., Пг.: Крут, 1923. – 164 с.
- Парнок С.Я. Сверстники. Книга критических статей / С.Я. Парнок; подгот. Е.Б. Коркина. – М.: Глагол, 1999. – 141 с.
- Переписка Р.О. Якобсона и Г.О. Винокура / Подгот. текста и коммент. С.И. Гиндина и Е.А. Ивановой // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 21. – С. 111.
- «Письмо о судьбе» Александра Ромма / Александр Ромм; вступ. заметка и публ. М.Л. Гаспарова // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 226.
- Письма Михаила Ромма Александру Рому (1925–1943). Публикация Р.М. Янгирова / Киноведческие записки. – 2001. – № 50. – С. 148–182
- Поливанов К.М. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина» // De visu. – М., 1993. – № 7. – С. 120.
- Ромм А.И. Стихи. Ночной смотр / Александр Ромм. – М.: Узел, 1927. – 31 с.
- Ромм А.И. Стихи 1927–1928 гг. [Электронный ресурс] / Александр Ромм [публикация и вступительная статья М.Л. Гаспарова]. – Academic Electronic Journal in Slavic Studies Toronto Slavic Quarterly. University of Toronto. – № 2. – 2002. – Режим доступа: URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/02/romm.shtml>.
- Ронен О. К сюжету стихов о неизвестном солдате Мандельштама / Омри Ронен // Slavica Hierosolymitana. – Vol. IV. – Jerusalem, 1979. – P. 222.
- Степанов В.П. Poleмика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» / В.П. Степанов // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой: Сборник [статей и материалов] 15; АН СССР: Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1986. – С. 229.
- Стоу К. Отчужденное меньшинство. Евреи в средневековой латинской Европе / Кеннет Стоу; пер. с англ. Г. Зелениной. – М.: Гешарим-Мосты культуры, 2007. – 430 с.
- Тавареш Р. Небольшая книга о Великом Землетрясении. Очерк 1755 года / Руи Тавареш; [пер. с португальского Е.Г. Голубевой]. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 240 с.
- Тодес Е.А., Чудакова М.О. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского Лингвистического кружка (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы) / Е.А. Тодес, М.О. Чудакова // Фёдоровские чтения-1978. – М.: Наука, 1981. – С. 250.
- Топоров В.Н. Об одном письме к Анне Ахматовой // Ахматовский сборник: К 100-летию со дня рождения / сост. С.В. Дедюлин и Г.Г. Суверфин. – Вып. 1. – Париж, 1989. – С. 16–17.
- Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. (Опыт православной теодиции в двенадцати письмах). – М.: Путь, 1914.
- Шенье А. Сочинения. 1819 г / Андре Шенье; [пер. с франц.; вступ. ст. А. де Латуша; отв. ред. А.Д. Михайлов; подгот. Е.П. Гречаная; Рос. АН]. – М.: Наука, 1995. – («Литературные памятники»). – 608 с.
- Эткинд Е.Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции / Е.Г. Эткинд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 598 с. – (Studia philologica).
- Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Якобсон Р. Избранные работы [предисл. В.В. Иванова; сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева; пер. с англ. О.В. Звегинцевой. – М.: Прогресс, 1985. – С. 410. – (Языковеды мира).
- Якубинский А.П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм. – Вып. 2. – М.–Л., 1931. – С. 91–104. Переизд.: Якубинский А.П. Избранные работы. Язык и его функционирование / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1986. – С. 101.
- Goethe I.W. v. Werke: in 14 Bde / I.W. v Goethe.– München, Verlag C.H. Beck, textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz. – 1989. – Bd. 1. – 804 S.
- Lipski J.M. Latin American Spanish.– New York: Longman., 1998. – 426 p.
- Spranger E. Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie / E. Spranger. – Halle, P. 1914. – 346 s.